

ИСТОРИЯ НОГАЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2021. № 1. С. 5—20.

DOI 10.47475/2542-0275-2021-0101

Ногаи в Южном Приуралье. Опыт исторической реконструкции истории взаимоотношений Ногайской Орды и башкирских племён (в 2 частях. Часть 1)

В. Н. Курмаев

*Гафурийский историко-краеведческий музей Гафурийского района Республики Башкортостан,
с. Красноусольский, Республика Башкортостан, Россия. vn-kurmaev@yandex.ru*

На основе документов архивов Москвы, Уфы, Екатеринбурга, опираясь на имеющуюся историографическую традицию, а также анализ микролокальных особенностей исторических и природно-географических факторов Южного Предуралья — территории долины реки Белой современной Республики Башкортостан — выдвигается авторская версия истории пребывания здесь ногаев накануне присоединения этих земель к Русскому государству.

В основе исследования лежит попытка выявить потомков ногаев среди башкирского населения, определить территорию их земельных владений в среднем течении реки Белой. Предлагается новый взгляд на дискуссионный вопрос о самом установлении власти ногаев в Приуралье. Впервые реализуется опыт реконструкции границы и состава населения ногайского улуса, а также составления карты предположительного расселения ногаев к западу от Уральских гор. Статья представляется в двух частях: Часть I. Потомки ногаев среди табынских башкир. Часть II. Окраина Мангытского юрта.

Ключевые слова: *ногаи, башкиры, Южный Урал, Московское царство, Уфа, миграции.*

Важнейшим этапом в истории Южного Урала являлся период ногайского владычества, когда значительная часть края находилась в составе Ногайской Орды, одного из крупнейших государственных образований, сформировавшихся на осколках золотоордынской державы. Однако история этого периода в значительной степени базировалась на использовании легендарного (фольклорного) материала. Именно в трудах В. В. Трепавлова были привлечены материалы фонда «Ногайские дела» РГАДА [Трепавлов, 2002], а его исследование по Ногайской Башкирии выполнено на критическом использовании легенд и преданий на фоне общей истории Ногайской Орды [Трепавлов, 1997].

Работы В. В. Трепавлова на сегодняшний день это историографическая основа для любых исследований по ногайской тематике. Так, справедливо и правомерно он использует соционим «ногай» для обозначения правящего сословия

Орды. Вторичность этнической компоненты данного термина подтверждается недолговечностью самоназвания «ногай» в Приуралье и быстрого его исчезновения в тех «ногайских» группах населения, которые влились в состав башкир в ходе присоединения края к России.

В данной статье предпринята попытка осветить отдельные вопросы, связанные с пребыванием ногаев в Приуралье, на основании не столько легендарных данных, сколько по позднейшим документальным источникам. Связаны они преимущественно с историей отдельных родов прибельской группы башкирского племени Табын. Предполагается выявить взаимосвязи происхождения таковых с ногайскими группами предшествующего периода, определить общность территории их обитания и хозяйствования. В свете легендарной традиции некоторых табынских родов представляется возможным воссоздание истории установления власти Ногайской Орды в Приуралье.

Часть I. Потомки ногаев среди табынских башкир

Возвращение на землю прадедов

Во второй половине XVI в. Ногайская Орда постепенно утрачивает свои позиции в Приуралье, а ранее контролируемая ногаями территория поступает под юрисдикцию России. В историографии принято считать, что ногайское население, обладавшее монопольным правом на земли края, со временем покинуло его, а все земельные угодья были предоставлены башкирам. Но, как выясняется, далеко не все ногаи ушли в южные степи, некоторые из них вообще никуда не переселялись, часть откочевавших вернулась обратно и, более того, сумела восстановить свои права на занимаемые ими ранее территории. Некоторая часть их бывших земель была передана башкирам, другая же часть поступила в собственность государства.

Из анализа разного рода источников следует, что уже с конца XVI в. в центре бывшей Ногайской Башкирии существовал обширный массив государственных земель, сформированный из числа бывших ногайских. Насколько он был велик, невозможно судить по одному какому-либо доступному для нас документу, но из их совокупности следует, что занимал этот массив долины рек Кугуш-Усолки и Зигана — на правом берегу Белой, а также долину р. Куганак, земли вокруг системы озер Аккуль, Куккуль, Нагадак и Кушкар, долину речки Куз-елга — на левом берегу Белой. Очевидно, установление контроля государства на указанной территории было обусловлено наличием в долине р. Усолки соляных источников. Аналогично, и для ногаев эта территория представляла особый интерес в связи с выходом природной соли.

Ближайшие соседи табынских башкир — юрматынцы — называли долину реки Кугуш-Усолки землей «нагаевских башкирцов»¹, т. е., надо понимать, ногаев. Как известно, ногаи занимали лесостепное левобережье Белой («ногайская сторона»), наиболее удобное для ведения кочевого хозяйства, а горнолесное правобережье они предоставляли башкирам, которых они вытеснили из лесостепи. Долина р. Усолки, как и многие иные соседние территории, вряд ли могла представлять интерес для кочевников — пересеченная местность, заболоченные низины, невысокие, но крутые, часто скалистые горы — и все это было покрыто дремучим, непроходимым лесом. Если что и могло здесь заинтересовать кочевников-скотово-

дов, то это соляные ключи. В качестве основного источника пищевой соли, как и башкиры в более поздние времена, приуральские ногаи использовали Илецкое месторождение каменной соли, так что, казалось бы, вряд ли они могли заинтересоваться соленой водой из Табынских источников, из которой соль еще нужно было вываривать. Но в XIX в. В. М. Черемшанский указывал на активное использование этой воды башкирами для поения скота, «от употребления которой скот замечательным образом здоровеет и тучнеет»². Еще в XVIII в. академик И. И. Лепехин отмечал, что вода Усольских источников активно используется башкирами для поения скота: «башкирские табуны ими [т. е. источниками — В. К.] довольствуются, которые так до соленой воды лакомы, что иногда целая сутки бегут, дабы насытиться сим для их нектаром»³. Зная, насколько большую роль играло скотоводство в жизни ногаев, вполне можно допустить, что они таким же образом использовали Табынские соляные ключи.

Ряд источников позволяет выяснить происхождение этих ногаев, как, например, грамота царя Федора Алексеевича от 14 апреля 1678 г. уфимскому воеводе Венедикту Хитрову. Грамота последовала как ответ на челобитную башкир Курпеч-Табынской волости по поводу земель, располагавшихся в долине р. Усолки. Податели сей челобитной, очевидно, не без оснований утверждали, что это была земля «прадедов их», которая «запустела» и затем, по меньшей мере, на протяжении двух поколений не принадлежала данному родоплеменному коллективу — это следует из того, что данная земля («вотчина») названа землей прадедов⁴, но не дедов и отцов, хотя именно такая формула («прадедов, дедов и отцов наших») обычно использовалась башкирами в их челобитных, связанных со всякого рода земельными претензиями.

Как сказано в документе, подателями и авторами челобитной были башкиры Курпеч-Табынской волости Акчермыш Койтанов и Тоймас Исеншугуров. Личности эти неплохо известны по ряду

² Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 57.

³ Лепехин И. И. Продолжение Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. С. 200—201.

⁴ Дополнения к Актам историческим (далее ДАИ). Т. IX. СПб., 1875. № 31. С. 88—89; РГАДА Ф. 1173. Оп. 1. Д. 719. Л. 2—3.

¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1144. Л. 1 об. — 3. Весьма показательное наименование ногаев — получается, называя их башкирцами, юрматынцы не отделяли их от себя в этническом смысле.

документов второй половины XVII в., в которых Акчермыш и Тоймас фигурируют как активные участники ряда земельных споров. Из материалов следственных дел по этим спорам также видно, что наиболее активный период жизни их отцов Койтана и Исеншугура приходился на первую половину XVII в., а их дед Бекбулат жил в конце XVI — начале XVII вв. Уверенно можно утверждать, что их прадеды жили во второй половине XVI в., когда происходили грандиозные события — присоединение Башкирии к России и исход ногаев. Очевидно, именно с исходом ногаев из Башкирии следует связывать «запустение» вотчины, о которой хлопотали челобитчики.

Но почему Акчермыш и Тоймас прямо не указали, почему запустела «вотчина прадедов их»? Причина этого, скорее всего, состоит в том, что их предки были теми самыми ногаями, покинувшими край в процессе его вхождения в состав России, не признавшими власть русского царя, возможно, имели место какие-то инциденты по этому поводу. И если башкиры-табынцы обходили эту тему молчанием, то их соседи-юрматынцы не испытывали никакого неудобства на этот счет, они прямо называли и в своем шежере, и в некоторых челобитных долину реки Кугуш земель бежавших ногаев («нагаевских башкирцев»), в связи с чем просили русского царя отдать им эту землю, вместе со множеством иных бывших ногайских владений¹. При этом их вовсе не смущало то, что среди них тоже было немало выходцев из ногаев. А-З. Валиди, например, упоминает ногаев Бурнака и Аллаберды (очевидно, имелись в виду общины, ими возглавляемые), которые остались среди юрматынцев после ухода основной их массы на Кубань [Валиди, с. 11]. Широко известное юрматынское шежере называет родного брата Бурнака мурзу Ядкара ногаем, при этом сам Бурнак становится бием² — вождем племени иштяков-юрматынцев.³ Но при этом ни Валиди, ни авторы-составители шежере вроде бы не замечают каких-либо этнических различий между ними. Татигас, сын Бурнака, возглавлявший юрматынское посольство к русскому царю, также, очевидно, был выходцем из ногаев, об этом может говорить и его ногайский титул — мурза, утвержденный русским царем; но он своевременно принял российское подданство, тем самым осу-

ществился его переход в башкирское сословие и он перестал быть ногаем. В то же время, ни в шежере, ни в каких-либо документах Татигас прямо ногаем не называется. У табынцев, по крайней мере, их части, очевидно, все было намного сложнее.

Получается, что предков челобитчиков А. Койтанова и Т. Исеншугурова, заявивших свои права на бывшие ногайские владения, следует рассматривать как тех самых ногаев, покинувших Башкирию в ходе ее присоединения к России. Из некоторых иных документов следует, что А. Койтанов и Т. Исеншугуров относились к роду Бишул в составе Курпеч-Табынской волости⁴.

Ранее я полагал, что в период присоединения края к России эту территорию покинула только какая-то часть одного из табынских родов [Курмаев, с. 53], как мы теперь выяснили, Бишул-Табынского. Сейчас же мы считаем, что это была не часть рода, а весь род Бишул, или даже, скорее, племя с таким названием. Р.Г. Кузеев считал, что бишул — это именно племя, в относительно позднее время вошедшее в состав племени Табын на правах рода [Кузеев, с. 261].

Есть опубликованные предания бишульцев, в которых говорится о том, что их предками были пять сыновей (биш ул) легендарного Азау⁵. Из преданий неясно, кем именно был этот Азау, но само имя связывает его с легендарным основателем города Азова — то ли огузским, то ли половецким ханом Азаком (Азак — один из западно-кипчакских вариантов произношения имени Азау)⁶. Это, в свою очередь, позволяет связать происхождение бишульцев с приазовскими и причерноморскими степями, а также с кругом западно-кипчакских, или половецких, племен, которые на определенном этапе влились в состав Ногайской Орды. Еще одно бишульское предание говорит о том, что, с одной стороны, бишульцы происходят из рода ен-кипчаков, с другой — из рода шурале⁷. Словом «шурале», т. е. «лесной

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—5.

⁵ Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа. 1987. №. 152. С. 138. Существует еще один вариант этого этнонима — «бишаул» — пять селений.

⁶ В Приэльбрусье, на северном Кавказе, есть топоним «поляна Азау», о происхождении которого местные жители балкарцы не могут сказать ничего определенного. Эта поляна издревле использовалась кочевниками степей Предкавказья, проходившими к ней по долине реки Баксан — ногайцами, половцами. Интересно то, что данный топоним представлен в регионе, где, вероятно, происходило формирование родоплеменной группы бишул.

⁷ Башкирское народное творчество... С. 111—112.

¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1144. Л. 1 об. — 3.

² Бий (бек), мурза (мирза) — титулы тюркской аристократии; «бий» соответствует титулу князя, на раннем этапе обозначал главу племени, племенного союза. «Мирза» (в башкирском языке произносится как «мурза») буквально означает «сын князя».

³ Башкирские шежере. Уфа. 1960. С. 32.

дух», «лесное чудовище» башкиры и другие тюрки называли на Урале жителей лесов, иногда — нетюркского происхождения, часто — еще придерживавшихся язычества. Согласно преданию, бишульцы, проживающие в Приуралье, произошли от брака одного из сыновей Азау с девушкой-шурале¹. Кого именно обозначает этноним «енкипчаки», пока не ясно, возможно это могла быть какая-то западная группа кипчакских племен.

В составе ногаев письменные источники, как это было установлено В.В. Трепавловым, фиксируют наличие родоплеменной группы под названием «бешулы-мангыт» («бешулумангытцкое родство» русскоязычных документов) [Трепавлов, 2002, с. 502]. Как видим, в данном случае этноним «бешулы» — «бишул» непосредственно соседствует с этнонимом «мангыт», т. е. названием основного, главного ногайского племени-эля, по которому и вся держава ногаев нередко называлась в источниках «Мангытским юртом». Следовательно, род Бишул был подразделением, ответвлением эля мангытов, т. е. бишульцы, видимо, считали себя истинными ногаями. О связи данного этнонима с ногайским миром свидетельствует его наличие в этнонимии современных ногайцев в форме «бесавыл» [Кузеев, с. 262]. Интересно также то, что этноним представлен в топонимии Крыма и Крымского ханства.

Например, в «Камеральном описании Крыма 1784 г.», т. е. сразу после присоединения ханства к России, в составе Акмечетского каймаканства Даирского кадылыка (административные единицы Крымского ханства) была деревня Бешевли². Эта деревня, находившаяся в южной части крымских степей, была населена крымскими татарами, в данном случае, очевидно, потомками крымских ногаев-мангытов, некогда господствовавших в степном Крыму и представленных при дворе крымского хана великими князьями-карачи из клана Мансур [Сыроечковский, с. 60]. В 1860—1864 гг. деревня опустела в связи с переселением ее жителей в Османскую империю [Сейдаметов, с. 30—33], а на ее месте обосновались русские переселенцы, в искаженном и русифицированном виде сохранившие ее название в имени своего селения — Пятихатка, существующего и ныне в Красногвардейском районе Республики Крым. Ныне село известно как место выхода лечебных

минеральных вод, которые реализуются под названием «Бишули». Возможно, оно наиболее точно передает родовое имя обитателей местности и при этом максимально соответствует названию башкирских бишульцев.

В своей работе Р. Г. Кузеев отметил, что в документах XVII—XVIII вв. почти нет сведений о племени Бишул, его представители не имели жалованных грамот на земли и поэтому не смогли образовать самостоятельной волости [Кузеев, с. 262]. На самом деле все обстояло совсем не так — информации о бишульцах в документах указанного времени немало, можно даже сказать, значительно больше, чем об остальных табынских родах, только в большинстве этих документов бишульцы «прикрывались» именем главного рода в племени — Курпеч-Табын. Разумеется, далеко не все фигурирующие в источниках курпечтабынцы были бишульцами, но определить, что именно последние подразумеваются конкретным документом, несложно, если в них указываются вышеупомянутый Акчермыш Койтанов, его двоюродный брат и неперемный сподвижник во многих спорных делах Тоймас Исеншугуров, их отцы Койтан и Исеншугур Бекбулатовы, а также имена некоторых их сородичей, которые уже хорошо знакомы автору этих строк. Дело в том, что на протяжении почти всего XVII в. упомянутые люди хлопотали о возвращении им якобы принадлежавших некогда их предкам вотчин, в связи с чем возникало множество спорных дел, писались челобитные, издавались царские грамоты. В итоге, даже не добившись всего того, к чему они стремились, к началу XVIII в. бишульцы сумели собрать воедино несколько вотчин, в общей сложности составивших настолько большую территорию, что самые крупные владения других табынских родов не могли сравниться с ней размерами. С конца XVII в. и на протяжении почти всего XVIII в. была и отдельная Бишаульская, или Бишаул-Табынская волость. Если их предки действительно обладали столь большими владениями, а сомневаться в этом не приходится, т. к. эти сведения основывались на показаниях многих десятков действительно сведущих людей, то, значит, эти предки были очень влиятельны и могущественны. В середине XVI в. в Приуралье таковыми могли быть только ногаи.

Когда автор этих строк поставил перед собой задачу выяснить, с какой именно территории начиналось это «собрание земель» бишульцами, то оказалось, что таковой в Приуралье не было. Значит, бишульцы пришли сюда, фактически не имея юридических прав на земли, которые были бы одобрены русской администрацией, но, осно-

¹ Башкирское народное творчество... С. 138.

² Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1888. № 6. С. 46. В русскоязычных документах XVII—XVIII вв. башкирские бишульцы назывались «Бешеул», позднее — «Бишаул»; возможно, в такой форме сохранялось более древнее наименование рода/племени (Бешевли).

вываясь на том, что их предки, очевидно, ногаи, этими землями владели ранее, со временем они сумели добиться возвращения значительной их части. По доступным нам материалам можно проследить этот процесс поэтапно и установить, на какие именно территории бишульцы претендовали. Документально подтверждаются время и обстоятельства возвращения ими тех или иных вотчин. Не совсем ясны таковые только в отношении позднейшей бишульской вотчины по левому берегу р. Карламан. Думаем, до возвращения бишульцев в Приуралье данная территория принадлежала роду Юмран Табынского племени.

В начале 1620-х гг. община башкир Курпеч-Табынской волости Ишамета Юмранова (табынский род Юмран) подала царю Михаилу Федоровичу челобитную с жалобой на своих же одноволосчан той же Курпеч-Табынской волости, которые их «теснят» и «велят нам жити с собой вместе», т.е. пытались «въехать» в их вотчину и пользоваться ею совместно. Челобитчики никак не соглашались, т.к. «с ними жить невозможно, они люди семьянистые», значит, пришельцев было слишком много¹. Видимо, просьбы о подселении делались весьма настойчиво, если дело дошло до подачи челобитной царю, что было хлопотно и накладно. Судя по именам этих непрошенных гостей, которые перечисляются в челобитной, это были не кто иные, как бишульцы — Исеншугур и Чинбулат Бекбулатовы, Кошдевет Тынгильдеев, Айбаш Букеев². Складывается впечатление, что бишульцы только что откуда-то пришли и в это время им вообще некуда было деваться. Надо полагать, они каким-то образом сумели устроиться на южной границе юмранских земель и присвоить часть юмранской вотчины — на этом месте значительно позже в документах отмечается деревня Козголова³, по имени одного из бишульцев (Козгов-Кузгау?)⁴, жившего, скорее всего, в начале XVII в. В 1690-х гг. в этой деревне продолжали жить бишульцы. Очевидно, они сумели как-то убедить юмранов «жити с собой вместе» и отдать им южную часть земель, впоследствии известную как вотчина рода Бишул по левому берегу речки Карламан, вокруг которой происходило дальнейшее «собираение» бишульских земель.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 298. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Д. 1047. Л. 5.

⁴ Допускаем, что это искаженное имя указанного в неопубликованном бишульском шежере Кузеля Акирова, жившего примерно в это же время. Тем более, упомянутый в числе пришельцев Кошдевет Тынгильдеев — очевидно, его внук (по шежере, Тянгил (Тынгильде?) — сын Кузеля).

Где располагались вотчины юмран-табынцев, указал Уметбай Мурзашев в своей челобитной в декабре 1683 г.: «деревня их Уметба(й)кова от города Уфы в десети верстах»⁵, «платит он в нашу, Великих государей, казну с вотчины своей ясаку по дватцати по одной кунице на год, а та де ево вотчина в дальних местех на степи по Току реке»⁶. Как видим, кроме вотчины под Уфой, у них имелись летние кочевья в присамарских степях.

Очевидно, что бишульцам необходимо было где-то обосноваться после перекочевки откуда-то. В то же время, возникает вопрос: почему именно юмраны стали объектом внимания пришельцев? Думається, это было обусловлено давними связями между ними и между их предками, в т.ч. родственными.

В свое время Р. Г. Кузеев полагал, что происхождение названия табынского рода Юмран связано с булгаро-угорским миром, в частности, с именем племен Юрми-Юрматы [Кузеев, с. 260]. Думається, что его истоки вряд ли уходят так далеко. Об этом говорит имя вполне реального человека — Юмрана, отца вышеупомянутого Ишмухамета-«Ишамета». Юмран проживал примерно в середине — второй половине XVI в., т.е. в период вхождения края в состав России — это следует из того, что его сын Ишамет во время составления челобитной (т.е. в 1620-х гг.) был уже в солидном возрасте, если имел взрослого внука Токлубая. В 1643 г. этот самый Токлубай Ишбулатов назван в числе «старых башкирцев»⁷. Следовательно, его прадед Юмран в период присоединения края к России и исхода ногаев, очевидно, был в достаточно зрелом возрасте, вполне подходящим для того, чтобы возглавить вновь образованный род, впоследствии названный его именем. Отсюда вытекает, что в это время произошло разделение какого-то ранее единого коллектива, в связи с чем и был образован новый род.

Традиционно роды юмран и бишул проживали по соседству, на левобережье Агидели, смежно располагались и их летние кочевья в долинах рек Самара и Ток, куда они вместе ежегодно вдоль берегов Уршака перекочевывали в летнее время вплоть до XIX в.⁸ Учитывая всесторонние связи, издавна существовавшие между этими родами, логично предположить, что ранее они составляли единый коллектив, а их предки появились на Южном Урале, как мы думаем, в связи с установлением господства ногаев.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 837. Л. 2

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 373. Л. 6.

⁸ Уметбаев М. И. Йэдкэр. Уфа, 1984. С. 200.

В свете вышесказанного представляется очевидным, что некий, ранее единый коллектив, и в то время, вероятно, имевший одно из названий «бишул», разделился в связи с уходом большей его части из Приуралья. Те, которые остались, вынуждены были образовать новый род, возглавленный Юмраном. Новый род стал называться по имени своего главы и вошел в состав племени Табын, с которым традиционно поддерживались тесные связи. Так что юмран-табынцев тоже можно рассматривать как оставшихся в Приуралье ногаев. Неизвестно, на каком основании, но в начале XX в. юмран-табынцев считал ногаями Д.Н. Соколов: в своей работе он упоминает «ногайцев тюбы Юмуран Табынского племени»¹.

Дальнейшие приобретения бишульцев

Еще одним приобретением бишульцев, или продолжением восстановления прав на вотчины прадедов, была обширная территория к западу и северо-западу от озер Аккуль и Нагадак. К этому времени там обосновался некий Малай Янбахтин, башкир Курпеч-Табынской волости. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Малай не имеет документов, которые подтверждали бы его права на эту вотчину. С другой стороны, его оппоненты (это был Койтан Бекбулатов и его сородичи-бишульцы) были поддержаны в ходе расследования многими башкирами, жившими по соседству с этой вотчиной. У нас нет текста сыскного дела, но сыск производился, т.к. именно по его итогам вотчина была «отдана в <...> 156 году [1648 г. по нашему летоисчислению — В. К.] по грамоте ... Великого Государя царя и Великого князя Алексея Михайловича ... и по прежним обыскам [следовательно, вопрос о принадлежности вотчины был поднят бишульцами задолго до 1648 года, если до этого было произведено, как минимум, еще два «обыска» — В. К.] и по приговору стольника и воеводы <...> князя Дмитрия Алексеевича Долгоруково»². Действительно, в фонде 233 Печатного приказа РГАДА есть указание на то, что в 1643—1645 гг. Малай Янбахтин подавал челобитную на Койтана Бекбулатова «с товарищи» по поводу владения вотчиной, в связи с чем издавалась царская грамота³. К сожалению, мы не знаем содержания ни челобитной, ни грамоты. Как видим, сначала Малай выигрывал дело, следовательно, у него тоже имелись какие-то весомые основания на владение вотчиной.

¹ Соколов Д. Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 13. Оренбург, 1904. С. 6.

² НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 801. Л. 2.

³ РГАДА. Ф. 233. Д. 671/17. Л. 494.

Интересно то, что в спор об этой вотчине включился башкир юмран-табынского рода Сеитко Мурзашев⁴ (брат известного Уметбая Мурзашева, прямого предка Мухаметсалима Уметбаева). Как у него были на то основания, мы не знаем, но можем предположить, что претензии могли быть основаны на том, что он также состоял в родстве с прежними хозяевами вотчины ногаями-бишульцами. Очевидно, Койтан и его сородичи были в еще более близком родстве с ними.

Обосновавшись в этой вотчине, потомки Койтана основали деревню Бишул (в русскоязычных источниках — Бишаул; не путать с деревней Бишаул-Унгарово, расположенной севернее)⁵. Ныне примерно на этом месте находится башкирская (бишульская) деревня Утеймуллино; у нее есть другое название — Старый Бишул. Скорее всего, именно эта деревня Бишул неоднократно упоминается в ряде документов XVII в.

Неизвестны точно все обстоятельства возвращения бишульцами еще одной вотчины к северу от устья р. Сим — в документе, рассказывающем об этом, утрачены начало и конец. Но, учитывая то, что в разборе дела активно участвуют упомянутые Акчермыш Койтанов и Тоймас Исеншугуров, происходило это не ранее второй половины XVII в. В ходе сыска выяснилось, что вотчина эта много лет назад (но, скорее всего, не ранее начала века) была выкуплена бишульцами у башкир Урман-Кудейской волости за две кунных шубы; претензии кудейцев были основаны на том, что покупатели якобы одну шубу недодали⁶. Наиболее вероятной представляется принадлежность этой территории в старину табынцам — табынские легенды однозначно свидетельствуют об этом. По легенде, именно из этой местности в начале XVII в. вышли кесе-табынцы, большинство которых считает себя потомками Акбирде, прапра-правнука Майки-бия⁷. На родине Акбирде есть гора, до сих пор носящая его имя, а также известный населенный пункт в Иглинском районе — Акбердино. А чуть южнее, буквально около устья р. Сим, находится знаменитый Акташ, имевший сакральное значение как для бишульцев, так и юмранов. Следовательно, эта вотчина в конце XVI в. принадлежала, скорее всего, ногаям-бишульцам, тесно связанным с табынцами. Кудейцы

⁴ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 801. Л. 2.

⁵ Деревня Бишаул-Унгарово считается коренной деревней бишул-табынцев, но появилась она, скорее всего, только в XVIII в. Некоторые исследователи считают, что именно эта деревня была основана в XVII в. Койтаном Бекбулатовым [Асфандияров, 2009, с. 177].

⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁷ Башкирские шежере... С. 155—156.

могли завладеть этой территорией после ухода с нее предков бишул-табынцев в конце XVI в. Завершилось спорное дело уже в начале XVIII в. (1702 г.), когда уфимскому воеводе «Еуфиму Панкратьевичю Зыбину» была прислана грамота царя Петра Алексеевича об отдаче вотчины бишульцам¹. Бишульцы, следовательно, сумели доказать свои исконные права на эту территорию. В марте 1789 г., очевидно, в связи с перекочевкой в южные степи, бишульцы продали эту вотчину дворянину М. Бекчуруну². Уже в сентябре того же года Бекчурин продал ее вместе с Юмран-Табынской частью генерал-поручику барону Игельструму³.

В 1670-х гг. бишульцы начинают многолетнюю тяжбу по поводу озер Аккуль и Куккуль с истоками, мелкими озерами и прилегающей территорией. За минувшие века многое изменилось в этой местности. В частности, полностью исчезло еще в начале XX в. озеро Куккуль, располагавшееся, по данным И. И. Лепехина, примерно в полуверсте к югу от Аккуля и в окружности составлявшее версту⁴. Чуть к западу от южной оконечности озера Аккуль находилась в старину деревня Меркит (примерно на месте современной деревни Антоновки), где жил вышеупомянутый Малай Янбахтин со своими потомками.

Первый известный нам документ, составленный по поводу этих озер, датируется 14 февраля 1673 г.; это была грамота царя Алексея Михайловича уфимскому воеводе П. Т. Кондыреву, которая последовала на челобитную башкир Ногайской дороги Тоймаса Исеншугурова «с товарищи» по поводу озер, входивших, по словам челобитчиков, в состав их родовой вотчины. В грамоте предписывалось выяснить, кому принадлежат эти озера⁵. Челобитчики, видимо, не случайно выбрали именно это время для начала разбирательства — после восстания 1662—1664 гг., когда в этой местности были разрушены Соловарный городок и Пречистенский монастырь, кроме башкир, не было претендентов на озера. По данной причине челобитчики добились передачи им озер, правда, относительно ненадолго. Уже в марте 1692 г. они были отданы церкви, построенной в новом Соловарном городке, затем перешли к Уфимскому Успенскому монастырю⁶. С этого момента начинается новый этап борьбы бишульцев за спорные озера — следуют новые челобитные, расследова-

ния. Летом 1696 г. расследование по этому поводу проводил уфимский дворянин М. М. Каловский. В результате опроса нескольких десятков башкир Кипчакской, Бурзянской, Юрматынской и Минской волостей выяснилось, что в давние, незапамятные времена озерами владел некий Евлубай, которого информаторы затруднялись отнести к какой-либо определенной башкирской волости — то ли к Минской, то ли к Табынской, и который затем непонятным образом исчез. А после него, спустя какое-то время, озерами завладели Койтан и Исеншугур Бекбулатовы⁷.

Очевидно, что завладеть вотчиной без каких-либо на то оснований им бы не позволили не столько уфимская воеводская власть, сколько мнение на этот счет соседей-башкир. Большинство земельных вопросов, как известно, башкиры решали сами, в своей среде, только в исключительных случаях обращаясь к посредничеству царской администрации. То, что Койтану и Исеншугуру было позволено владеть озерами, говорит о том, что соседи признали их право наследовать Евлубаю; следовательно, они находились в непосредственном родстве. Скорее всего, Евлубай был каким-либо близким родственником предков Койтана и Исеншугура и, соответственно, их детей Акчермышы и Тоймаса. Но, как мы выяснили, предки бишульцев в конце XVI в. ушли с ногаями — это объясняет, куда девался Евлубай. Значит, и данная вотчина вместе с озерами, как и некоторые иные оставленные ногаями территории, перешла в свое время в собственность государства, которое, тем не менее, никак эту землю не использовало — весьма нередкий случай в условиях Башкирии того времени. Когда в начале XVII в. Исеншугур, Койтан и др. вернулись в Приуралье, они, надо полагать, с согласия соседей, стали использовать эту вотчину, принадлежавшую их предкам. Поэтому для них оказалось неприятным сюрпризом, когда в 1650 г. их поставили в известность, что вотчина считается казенной и является собственностью государства, которое в лице воеводской власти предоставило озера Аккуль и Куккуль во владение Пречистенскому монастырю⁸. Похоже, сам монастырь эти озера не использовал по назначению, т. е. как рыбные ловли (вместо него, как сообщается в документах, рыбу в озерах ловили монахи Уфимского Успенского монастыря)⁹, но, в целях частичной компенсации расходов за аренду он наложил оброк на проживавших по соседству башкир, каким-то образом использовавших эти озера (вероятно, тоже

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 719. Л. 5.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. № 259. М. 1960. С. 249—250.

³ Там же. № 270. С. 261—262.

⁴ Лепехин И. И. Указ. соч. С. 4.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 638. Л. 4

⁶ Там же. Д. 1200. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 7.

сдавали в аренду), который те платили по меньшей мере, до 1663 г.¹

Спорное дело об озерах Аккуль и Куккуль в 1696 г. было разрешено в пользу бишульцев². Правда, в начале XVIII в. этот вопрос был вновь пересмотрен и они перешли на некоторое время к юмран-табынцам, тогдашний глава которых Уметбай Мурзашев, видимо, сумел доказать свое родство со старинными владельцами озер и право наследования, а в 1736 г. — опять к государству, которое отвело их Табынской крепости³. Но земли близ озер продолжали считаться вотчиной бишульцев, там они основали примерно тогда же деревню Нурумбетова⁴ — по имени Нурумбета, сына Акчермыша Койтанова. Во второй половине XVIII в. в связи с откочевкой большинства бишульцев в засамарские степи и объединением приуральских бишульских и дуванских владений в одну волость, эта вотчина оказалась во владении дуван-табынцев, т. к. именно они продали ее в 1787 г. статскому советнику А.И. Чирикову⁵. Спустя два года, в 1789 г., Чириков продал эту землю Богоявленскому заводу⁶.

Как говорилось выше, в 1678 г. бишульцы обратились к царю Федору Алексеевичу с просьбой вернуть им вотчину прадедов в долине р. Усолки, в которой находились соляные источники. Царь поручил уфимскому воеводе Венедикту Хитрово разобраться в этом вопросе и выяснить, насколько основательны претензии челобитчиков. При этом настрого было запрещено русским людям захватывать башкирские вотчинные земли⁷. Дело, видимо, не получило дальнейшего развития ввиду того, что в Уфе хорошо знали, что долина Усолки является безусловной собственностью государства в связи с наличием здесь соляного промысла и этот вопрос не нуждался в дополнительном расследовании.

Надо полагать, бишульцы и сами хорошо понимали, что у них мало шансов чего-либо добиться своей челобитной и вернуть себе долину Усолки полностью. Поэтому для челобитья было использовано именно это время, когда данная территория слишком долго не выполняла своего прямого предназначения — не обслуживала производство соли. Дело в том, что тогдашний владелец вот-

чины в долине Усолки, которому было передано право разработки соляного промысла — «москвитин садовник» Федор Антонов Клушин — никак не мог оправиться после разорения промысла повстанцами в ходе восстания 1661—1664 гг., рассчитаться с долгами и возобновить солеварение⁸. Челобитчики-башкиры пытались доказать царю, что возложенная государством на Клушина арендная плата — ясак «20 куниц да 3 батмана меду ... издавна на нем, Федоре, стоит в доимке, а они с тое вотчины станут платить тот ясак весь сполна по вся годы безпереводно»⁹. Ко времени подачи челобитной нашелся еще один предприниматель, взявшийся возобновить соляной промысел — уфимский посадский человек Прокофий Кафтанов, которому также было отведено некоторое количество угодий в долине Усолки¹⁰. Так что шансов вернуть эту территорию у бишульцев было немного.

Но упорные бишульцы все же проникают в долину речки Усолки. Видимо, челобитная сыграла свою роль и просителям была возвращена часть долины. В 1718 г. башкир Бишаульской волости Шелтык Козяшев называет долину Кугуша в числе их купленных, дедовских и отцовских вотчин¹¹. Из еще более поздних источников становится ясно, что они сумели завладеть только южной частью этой долины, причем, эта вотчина находилась в совместном пользовании с башкирами тюкунского рода Кси-Табынской волости¹². Именно бишульцы припускали уже в середине XVIII в. в эту вотчину группу кутлугузинских мишарей, у них же в конце того же века (а также у тюкунцев, юрматынцев и др.) Богоявленский завод выкупил эту вотчину¹³.

Попыток бишульцев проникнуть на территории южнее долины р. Усолки и озер Аккуль и Куккуль источники не зафиксировали. К этому времени там укрепляли свои позиции юрматынцы, потихоньку прибавляя эти вотчины к своей волости; обострять с ними отношения, вероятно, не входило в планы бишульцев. Как уже было отмечено выше, при принятии российского подданства юрматынцы заявили претензии на бывшие ногайские земли в долине р. Усолки-Кугуша, и вроде бы даже получили одобрение царского правительства, но, очевидно, не смогли занять эту

¹ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 638. Л. 3.

² Там же. Д. 1200. Л. 45—48.

³ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6286. Л. 186 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3002. Л. 54.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. № 208. С. 203 — 204.

⁶ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6286. Л. 31 об.

⁷ ДАИ. Т. IX. № 31. С. 89; РГАДА Ф. 1173. Оп. 1. Д. 719. Л. 2—3.

⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 400. Л. 27.

⁹ ДАИ. Т. IX. № 31. С. 89.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. № 225. М.; Л., 1949. С. 164—165.

¹² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 2932. Л. 84 об.

¹³ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 284. Л. 50.

территорию полностью. Возможно, бишульцы все же предпринимали какие-то попытки восстановить свои права на эти земли, если в какой-то период правления царя Алексея Михайловича, предположительно в 1649 г., юрматынцы озаботились обновлением жалованной грамоты, дарованной их предкам, возможно, в 1609 г. Как это часто бывало с обновляемыми, подтвердительными, «справляемыми» грамотами, в их содержании перемешивалось прошлое и настоящее, поэтому в обновленной грамоте юрматынцев фигурируют Татигас-бий вместе с Азнаем, Кармышем и Ильчектимером, которые, как считается, были инициаторами присоединения племени Юрматы к России и жили в середине XVI в.; грамота была выдана от имени царя Алексея Михайловича, при воеводе Плещееве; исходная же грамота датируется в тексте 21 августа 7117 г.¹, т. е. 1609 г. по нашему летоисчислению.

Согласно грамоте 1649 г., северо-восточная граница волости проходила от верховий р. Кугуш, т. е. Усолки, до верховий речки Колыман (приток р. Зиган) и далее на т. н. Кугушевский нос — выдавшийся к реке Белой довольно крутой отрог увала². Фактически эта граница проходила по водоразделу рр. Усолки и Зигана. Отсюда следует, что на сей раз юрматынцы уже больше не претендовали на долину Усолки, даже на южную ее часть. Грамота закрепляла за ними северную часть долины Зигана и некоторые более южные территории, очевидно, как мы предполагаем, тоже ранее принадлежавшие ногаям. Мы не знаем многого — может быть, юрматынцы опасались, что бишульцы предъявят претензии на ставшие юрматынскими земли предков, а, может быть, имели место какие-то споры, конфликты по этому поводу. Видимо, был достигнут некий компромисс, в результате которого каждая из сторон получила только часть того, к чему стремилась. В частности, как было указано выше, бишульцы все-таки закрепили за собой южную часть долины Усолки, скорее всего, по грамоте царя Федора Алексеевича от 1678 г. Но более южные территории, ранее принадлежавшие ногаям, достались юрматынцам.

М. Уметбаев в своей публикации на основании преданий табынцев определил границы владений табынских родов (надо полагать, всех родов на период XVIII—XIX вв., включая бишульцев), которые на юге простирались до реки Куганак по обе стороны р. Белой³. Что же говорят документы о крайней южной части этой территории на период присоединения края к России и в последующие

десятилетия? В 1629 г. некий чуваш Зюрейской дороги Казанского уезда Терегул Базаев продал свою вотчину по левому берегу р. Зиган и по правому берегу р. Куганак⁴. В 1631—1632 г. какой-то «башкирец Чуваш Байбахтин» также продал огромную вотчину по правому берегу р. Зиган и по левому берегу р. Куганак⁵, т. е. эта вотчина находилась непосредственно рядом с вотчиной Терегула Базаева, по другую, северную сторону рек Зиган и Куганак. А еще севернее — долина речки Усолки и земли вокруг озер Аккуль и Куккуль, т. е. территория, на которую, как мы точно знаем, претендовали бишульцы, но ее им не отдавали, т. к. там обосновались солепромышленники и находилась она под контролем государства.

Отсюда следует, что все вышеупомянутые территории — и по рекам Зиган и Куганак, и те, которые пытались с успехом или безуспешно вернуть себе бишульцы в долине р. Усолки, вскоре после вхождения края в состав России стали государственными. В течение последующих лет они оказываются в руках каких-то «казанских чувашей», со временем многие из них были переданы солепромышленникам, соседним башкирам — преимущественно юрматынцам. К ним отошла практически полностью вотчина Терегула Базаева, а также южная часть вотчины Чуваша Байбахтина. Но кажется очевидным, что если эти земли по Зигану и Куганак входили в состав государственных вместе с долиной Усолки, то, значит, еще ранее они также принадлежали тому же ногайскому улусу, к которому относились бишульцы. Юрматынцы, следовательно, относились к другому улусу.

Итак, когда бишульцы в начале XVII в. вернулись в Приуралье, они напомнили о своих родственных связях с юмранами, чем можно объяснить их настойчивое требование «жити с собой вместе»⁶. Думается, возвращение бишульцев было связано с тем, что они так и не сумели добраться до Кубани, что может, на наш взгляд, свидетельствовать об их переселении уже после того, как произошел «исход» основной массы ногаев. Как известно, происходил он из-за голода в степи в конце 1540—1550-х гг., когда значительная часть ногаев действительно достигла кубанских и северокавказских степей, где из переселенцев была сформирована т. н. «Малая Ногайская Орда», или «Казыев улус». Новое объединение кочевников было настроено резко враждебно как по отношению к России, так и к ее вассалу — Большой Ногайской Орде. В последующие годы князья-

¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 284. Л. 54.

² Там же. Д. 1144. Л. 1 об. — 3.

³ Уметбаев М. И. Указ. соч. С. 219.

⁴ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 3001. Л. 15 об. — 16

⁵ НА РБ. Ф. 352. Оп. 1. Д. 374. Л. 16 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 298. Л. 2.

бии Больших Ногаев, выполняя распоряжение русского царя и при его непосредственной военной поддержке, а также действуя в собственных интересах, не позволяли своим кочевникам переправляться на «крымскую», т. е. правую, сторону Волги [Трепавлов, 2002, с. 289—290]. Так что маловероятно, чтобы бишульцы могли беспрепятственно переправиться на правобережье Волги и уйти в Казыев улус или в Крым в конце XVI в. Более вероятно, что они обосновались в своих старых летних кочевьях в долине Самары. Там ногаи отмечаются вплоть до начала XVII века; только в «Смутное время», как уже в 1643 г. рассказывали «старые башкирцы», ногаев «погромили калмыцкие люди на Самаре и на Току, и кочевьями их завладели, и те ушли под Астрахань»¹. Как вспоминали башкиры ряда волостей спустя более 200 лет, уже в начале XIX в., их предки жили в этом степном краю «весьма покойно до самого нашествия на оную землю калмыцкого князя Тайзун Урлюка с его ордою». «А по нашествии онаго не имея возможности по малолюдству своему сделать отражения, принуждены были оную землю оставить и переселиться на жительство бывшей тогда Уфимской провинции на реку Белую, Сакмару и Ик, где, заведясь домашним хозяйством, жительствовавали»².

То есть ушли под Астрахань, очевидно, не все, бишульцы (или какая-то их часть) в первые десятилетия XVII в. решили вернуться в Приуралье, как и некоторые группы бурзянцев, кыпчаков и др. — вероятно, тоже бывших ногаев. Впрочем, возвращение бишульцев в Приуралье могло быть связано с очередной смутой, происходившей в 1619—1620 гг. в Большой Ногайской Орде [Трепавлов, 2002, с. 402—407], что, возможно, более соответствует дате первого упоминания бишульцев в Приуралье в вышеприведенном челобитье юмранов от 1620-х гг. Нашествие Хо-Урлюка на южноуральские степи датируется 1630-ми гг. [Асфандияров, 2006, с. 149].

В любом случае, очевидно, что ногаи, в т. ч. бишульцы, были вытеснены из присамарских степей в результате каких-то политических катаклизмов. Тем не менее, в последующее время они продолжали сохранять права на летние кочевья по левому берегу Самары и далее на юг, до Большого Иргиза, Каралыка и Камелика. В конце XVIII в. основная часть бишульцев снова переселилась в эти места. В 1807 г. они писали, что «прадеды наши жалованы за службу Великим царем Иоанном Васильевичем землею <...> по речке Камалик». Они утверждали, что «сия

грамота <...> хранится в здешней Оренбургской палате Гражданского суда, данная на имя Акчермышша Куйтанова Бишауль-Курпеч-Табынской волости»³. Если действительно уже знакомый нам Акчермыш Койтанов был получателем такой грамоты, то она могла быть издана только во второй половине XVII в., скорее всего, в 70—80-х гг. Следовательно, Акчермыш сумел юридически закрепить права своего рода на летние кочевья в засамарских степях, как и Уметбай для своих сородичей юмранов — в присамарских.

И ныне в Самарской и Саратовской областях проживает немало потомков приуральских бишульцев, среди которых широко распространена фамилия Акиров — в память о родоначальнике. Тамга потомков Акира — . Интересно то, что и у современных бишульцев Приуралья до сих пор существует родовое подразделение-ара «Акыр» [Камалов, 1997, с. 303]. Согласно данным неопубликованного шежере бишульцев, потомки которых ныне проживают в Самарской и Саратовской областях, происходили от того же Акира («Акрд-хан») многократно нами упоминавшиеся лидеры бишульцев Акчермыш Койтанов (Акжирмеш, сын Куйтана, внук Бекбулата, правнук Акрдхана) и Тоймас Исеншугуров.

Вотчины прибельских родов племени Табын в XVII—XIX вв. представлены на рисунке.

Когда бишульцы в начале XVII в. стали вновь переселяться в Приуралье, принадлежавшая ранее их ногайским предкам земля оказалась занятой, в основном родами Табынской волости. Бишульцы обосновались сначала на части волостных земель своих, очевидно, родственников и соплеменников юмранов и только со временем они начинают возвращать свои старые владения. Вероятно, в это же время они вошли в состав племени Табын на правах рода — этому способствовала их давняя родственная связь с уже относительно давно пребывавшими в составе племени юмран-табынцами. Это же родство, очевидно, позволило пришельцам присвоить южную часть юмранских земель.

Ногаи-бадраки

На Южном Урале проживает еще одна группа башкир-табынцев, которая также напрямую была связана с ногайским господством — это род, или племя, Бадрак, впоследствии — род в рамках табынского племени. С ногаями связывал происхождение этого племени Р.Г. Кузеев, отметив, что башкирские бадраки в числе своих предков называют того самого Акмана, который в шежере минцев считался выходцем «из рода мурз», т. е.

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 373. Л. 5.

² НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 432а. Л. 14.

³ Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2954. Л. 1 об.

Эвлия Челеби в своей книге неоднократно упоминает бадраков в составе населения Крымского ханства; он их называет крымским племенем, народом, представители которого присутствовали в ханском совете наравне с господствующими кланами. Он утверждал, что многие бадраки никогда не ели хлеба и не пили воды¹, что, видимо, означает их сугубо кочевнический быт. Такое же представление о бадраках как обитателях Крыма представлено в работах других авторов XVII—XVIII вв. [Зайцев, с. 165]. Бадраками также называли крымско-татарскую знать, состоявшую в свите казанского хана крымского происхождения Сафа-Гирея [Зайцев, с. 165; Исхаков, 1998, с. 20].

Летние кочевья башкирских бадраков находились почти там же, где располагались таковые их соседей и, очевидно, родственников — также бывших ногаев-бишульцев — севернее реки Самары, в долинах Тока, Большого и Малого Урана, в непосредственном северо-восточном соседстве с кочевьями юмранов. В конце XVIII — начале XIX вв., в связи с углублением кризиса кочевого хозяйства, значительная часть бишульцев, юмранов и бадраков переселяется из Приуралья в свои южные вотчины — летние кочевья в присамарских и засамарских степях. Но в Приуралье на правобережье Белой и ныне есть четыре деревни, некоторые жители которых считают себя бадраками.

Письменная информация о башкирских бадраках восходит практически к самому началу XVII в., немало свидетельств о них, относящихся и к более позднему времени. Но, что характерно, практически ни в одном старинном документе они не названы бадраками. Только по источникам XIX—XX вв. вдруг выясняется, что эта группа, генеалогия которой неплохо прослеживается практически до XVI в., оказывается, бадраки. Подобно ранее упомянутой группе бишульцев, в 1620-х гг. вернувшихся в Приуралье и начавших восстанавливать свои земельные права, чуть раньше здесь оказывается еще одна группа, несомненно, бадраков, возглавлял которую некий Коскильды Чичканов (Сысканов). Уже с 1620-х гг. он фигурирует как исключительно знатный и влиятельный человек в Курпеч-Табынской волости.

Как сказано в документе, «со 128 году по 151 год», т. е. с 1620 по 1642 год «староста Каскильчей князь Чичканов», наряду с Баишугуром князем Корчановым и Янбахты Кудайбахтиным был ответственным за выплату ясака всей Курпеч-

Табынской волостью в 168 куниц (в тексте ошибочно указано — лисиц)². Этого князя Коскильды Чичканова называл отцом некий тоже князь, тархан Лукьян Коскильдеев³, неоднократно упоминаемый в ряде документов второй половины XVII — начала XVIII вв., в том числе в «Списке именном Уфимского уезда князьям, тарханам и дуванам» за 1681 г., наряду с Коскильды Акыровым и Бокой Чермышевым отнесенный к Курпеч-Табынской волости [Асфандияров, 2006, с. 116]. В «Списке» сказано, что они проживали в это время «на Ику»; надо полагать, подразумевалось их пребывание в самарских степях, вплотную примыкавших к «Итцким волостям», располагавшимся по реке Ик. В 1704 г. упомянутый Лукьян («Лукаш») «Коскалчеев» вместе со своими племянниками подавал челобитную царю Петру Алексеевичу, в которой называл себя и своих сородичей «породными князьями», «и то их княжество написано и сыскано на Уфе в приказе в книгах»⁴. В документах упоминается родной брат Лукьяна тархан⁵ Исеней Коскильдеев⁶, его племянники — дети Исенея, князя Янымбет, Солтан, Иткуста⁷.

В конце XVI — начале XVII вв. приуральские ногаи, очевидно, под давлением постепенно продвигавшихся с северо-запада русских, сместились южнее, в степи по Самаре и Току, где они в это время фиксируются источниками⁸, а в более позднее время именно там известны летние кочевья вышеупомянутых групп башкир, которых мы считаем потомками ногаев. В Смутное время их там («на Самаре и на Току») «погромили» калмыки, после чего значительная их часть ушла под Астрахань, некоторые группы, очевидно, решили вернуться в лесостепное Приуралье. Одной из таких групп, видимо, была община, возглавляемая Коскильды Чичкановым. Пришедший из самарских степей Коскильды Чичканов (не путать с упомянутым Коскильды Акыровым, представителем бишульского рода) имел княжеский титул, унаследованный от ногайских предков, которые, надо полагать, были мурзами. Приуральские бадраки, как выше было сказано, считаются потомками Акмана, который, согласно родословной минцев, был «из рода мурз» [Кузеев, с. 264—265].

² РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4251. Л. 30.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Под тарханским званием, очевидно, скрывался княжеский титул.

⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 457. Л. 2—16; Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4251. Л. 27.

⁷ Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4251. Л. 255.

⁸ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 373. Л. 6.

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Симферополь, 2008. С. 14, 27, 40, 116, 220.

Из шежере миркит-минцев, которые также считают своим предком Акмана, следует, что Акман был сыном некоего Кулымбета¹. Напрашивается вывод, что составители родословной в данном случае подразумевали кого-то из двух хорошо известных в истории Башкирии ногайских мурз начала XVII в. — Кара-Кель-Мухаммеда или Аксак-Кель-Мухаммеда (Кара-Килимбет и Аксак-Килимбет). В. В. Трепавлов упоминает башкирское предание о том, что Кара-Килимбет кочевал в верховьях Демы [Трепавлов, 1997, с. 25], именно там и южнее находились в более позднее время летние кочевья приуральских бадраков².

По преданию, глава табынцев Курпес-бий в 1556 г. ездил к царю Ивану Васильевичу для принятия Российского подданства³, за что царь будто бы пожаловал его княжеским титулом. Но потомственным князем, очевидно, Курпес не был, скорее, царское правительство только подтвердило его статус главы племени — бия, и назначило его старостой Табынской волости. Данное сообщение подтверждается тем, что уже ни сыновья Курпеса, и никто из его прямых потомков не имели княжеского звания. Тем не менее упомянутые нами князья считали Курпеса своим предком. Курпеч-Табынская волость включила в себя и бывшие ногайские владения по левобережью Белой.

Примечательно, что пришедшие бадраки, вошедшие в Курпеч-Табынскую волость, образованную не более, чем за полвека до их прихода, очень тесно слились с родом Курпеса. Приняв название курпеч-табынцев, они не расставались с ним и после распада единой Курпеч-Табынской волости в 1670-х гг. В XVIII в., когда на месте ранее единой волости существовало несколько табынских волостей, большинство табынцев уже отказалось от прибавки «курпеч» к их названиям, даже прямые потомки Курпеса проживали в просто Дуван-Табынской и Кумрук-Табынской волостях. Только бадраки упорно продолжали себя именовать курпеч-табынцами и жили по-прежнему в Курпеч-Табынской волости, правда, к этому времени сильно урезанной по размерам и располагавшейся уже в основном по правому берегу Белой с небольшим выходом на лесостепное левобережье. Там,

на левобережье, до сих пор существуют три деревни (Сарт-Науруз, Сарт-Чишма и Сысканово), жители которых относят себя к «князь-курпес-табынскому» роду [Камалов, 1997, с. 304—305], хотя они преимущественно являются потомками припущенников — сартов и башкир других волостей.

Объяснить тесную связь бадраков с родом Курпеса может предположение о заключении брачного союза, в данном случае, Коскильды Сысканова и, предположим, дочери Курпеса. В таком случае, бадраки могут считаться потомками и наследниками и ногаев (по мужской линии), и потомками Курпеса (по женской линии), что мы в реальности и наблюдаем. За счет этого Коскильды, очевидно, стал главой волости после Курпеса, т. к. обладал княжеским титулом, и возобновлял право владения землями в Прибелье, которым обладали его ногайские предки. Это же обстоятельство, очевидно, способствовало появлению ложного представления о том, что Курпес-бий получил княжеский титул от русского царя — его потомки действительно обладали этим титулом, но не все, а только бадраки, которые, скорее, унаследовали его не от Курпеса, а от ногайских предков по мужской линии.

Тогда же, в 1620—1640-х гг. Коскильды основал деревню «Киекильчеева»⁴, т. е. Коскильдеева, находившуюся где-то в районе впадения в Белую рек Сим и Зилим. Примерно в начале 1640-х гг. он, видимо, умер, т. к. с этого времени он больше не упоминается. Оставшиеся в Приуралье его сыновья Исеней и Лукьян испытали немало трудностей во взаимоотношениях с соседями, которые, очевидно, приходились им также родственниками по материнской линии. Они пытались продолжать пользоваться теми угодьями, на которые восстановил права их отец, будучи старостой — по правому и левому берегам Белой в среднем течении. В 1646 г. Исеней поссорился со своими соседями-родственниками, но, не доводя до суда, спорщики (в их числе были башкиры Курпеч-Табынской волости Кутлукей Аксарин, Ахтагул Мичанов и др; впоследствии они оказались в числе предков башкир Кумрук-Табынской волости, т. е. являлись прямыми потомками Курпес-бия по мужской линии) помирились и выделили для Исенея пай родовой земли на правом берегу Белой — к югу от р. Инзер и по обоим берегам Зилима в нижнем течении⁵. Как видим, речь идет

¹ Башкирские родословные. Уфа, 2002. С. 267.

² Южнее демских вершин, в долине р. Ток, в Оренбургской области, и ныне существует башкирский населенный пункт Курпячево [Камалов, 1994, с. 252], появившийся в середине-конце XVIII в. в связи с массовым переселением значительной части приуральских башкир в свои старинные летние кочевья, в данном случае — курпес-табынцы — бадраки.

³ Уметбаев М. И. Указ. соч. С. 221.

⁴ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6286. Л. 11; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.

⁵ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4251. Л. 27. Документ довольно точно называет грани вотчины Исенея, которая располагалась к северу от места впадения р. Аядим (Мендим) в р. Зилим, к востоку от р. Белой

о горно-лесных территориях правобережья, а не о лесостепной зоне, ранее принадлежавшей их ногайским предкам на левом берегу Белой. Как свидетельствуют документы, бадраки пытались восстановить свои права и на левобережную территорию, но безуспешно. Так, по правому берегу р. Карламан (левый приток р. Белой) находилась вотчина, которую в 1654 г. башкир Курпеч-Табынской волости Телево Дуванов отобрал у Лукьяна Коскильдеева, башкира той же волости¹.

На первый взгляд, данное сообщение не содержит интересной для нас информации — два башкира из одной и той же Курпеч-Табынской волости по какой-то причине поспорили из-за вотчины. Но детальный анализ данного эпизода позволяет выявить новые любопытные факты. В частности, известно, что Телев Дуванов относился к особой родовой группе внутри Курпеч-Табынской волости. Он был прямым потомком (правнук?) самого Курпес-бия² и возглавлял привилегированную общину, впоследствии образовавшую Дуван-Табынскую волость. Из текста спорного дела становится ясно, что община Телева на протяжении длительного времени пользовалась вотчиной, принадлежавшей другой общине (т. е. общине уже знакомого нам Лукьяна Коскильдеева), причем пользовалась настолько долго, что многие их соседи во время опроса уже затруднялись сказать, кому именно она ранее принадлежала. Как было сказано в челобитной Телева, эта вотчина их «дедов и отцов старинна»³. Любопытно то, что во время опроса те башкиры, которые не являлись прямыми потомками ногаев, поддержали Телева. Но очевидные потомки ногаев (юмраны, бишульцы) активно поддерживали его оппонента Лукьяна. Например, Акбаш Бикеев (бишулец) сказал, что «та де вотчина ... вековая Киекильчеева [т. е. Коскильдеева — В. К.] Лукашкина отца, а Дуван держал ту вотчину насильством многия годы»⁴.

Если было сказано — «вековая», то это, очевидно, должно было означать, что предки Лукьяна владели этой вотчиной более, чем за сто лет до 1654 г., когда происходило следствие. В середине XVI в. такими владельцами, тем более на левобережье Белой («ногайская сторона») могли быть только ногаи. Отсюда следует важный вывод — курпес-табынцы, в данном случае будущие дуван-табынцы, не ранее конца XVI в. начали осваивать покинутую ногаями вотчину, принадлежавшую им в последующие века на левобережье Белой;

и к западу от р. Астын (Аскын).

¹ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2911. Л. 88 — 89 об.

² Уметбаев М. И. Указ. соч. С. 217.

³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2911. Л. 88 — 89 об.

до этого они довольствовались угодьями на преимущественно лесном правобережье, в долине р. Инзера, но на бывшем ногайском левобережье было удобнее вести полукочевое хозяйство, поэтому данная территория была столь желанным приобретением для курпес-табынцев — будущих дуванцев. Между прочим, переселившись на левобережье Белой, дуванцы не отказались от прав на вотчину и в долине Инзера. После их выселения в северной половине долины Инзера всеми делами заправляли кумруки — довольно близкие родственники дуванцев (другая ветвь потомков того же Курпеса; дуванцы считаются потомками Юлкотло (Кутлююла) Курпесова, а кумруки — потомками Бузантая Курпесова)⁵. Они пытались пользоваться оставленной дуванцами вотчиной, начались споры. Была достигнута договоренность о совместном пользовании вотчиной, но она, видимо, время от времени нарушалась и споры возобновлялись. Уже в XVIII в. (в 1731 и 1756 гг.) эта договоренность закреплялась документально. Текст соглашения от 7 октября 1756 г. позволяет довольно точно определить место расположения спорной территории — долина речки Мелеуз (Менеуз), правого притока р. Инзер примерно в среднем ее течении⁶. В период Генерального межевания собственностью дуван-табынцев признавалась долина речки Сиг-Карамала (правый приток Инзера), а в совместной собственности дуванцев и кумруков оставалось 6678 дес. 126 саж.⁷ Приведенные факты означают, что исходная территория, которой до конца XVI в. совместно пользовались дуванцы и кумруки — прямые потомки князя Курпеса, — находилась на лесном правобережье Белой, в долине Инзера⁸, и только примерно в начале XVII в. дуванцы переселились на лесостепное левобережье.

Таким образом, в 1654 г. Лукьян Коскильдеев утратил вотчину на правобережье Карламана, проиграв спорное дело. После этого он вынужден был вернуться в присамарские степи, где он, как было сказано, фиксируется в 1681 г. в списке князей, тарханов и дуванов [Асфандияров, 2006, с. 116]. Очевидно, находясь там, в 1674 г. он поссорился с башкирами Бурзянской волости, в связи с чем подавалась новая челобитная⁹. Но за его

⁵ Уметбаев М. И. Указ. соч. С. 217.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 1. № 79. М., 1956. С. 81—82.

⁷ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2911. Л. 8. 10 об.

⁸ Отсюда следует, что пришедшие из Зауралья в конце XV в. табынцы первоначально вынуждены были довольствоваться только долиной Инзера в среднем и нижнем течении.

⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 836. Л. 3—4.

родственниками сохранялась вотчина на лесном правом берегу р. Белой, южнее р. Инзер, которая, как мы уже знаем, была уступлена курпес-табынцами в 1646 г. тархану Исенею Коскильдееву, брату Лукьяна. Исеней продолжал в ней жить и в 1656 г. Как сказано в документе, поселился он в этом месте, чтобы обезопасить своих сородичей от непрерывных калмыцких набегов¹. Была и деревня Исенеева (Искинчеева), основанная Исенеем², точное расположение которой неизвестно. Видимо, уже после смерти Исенея в этой вотчине поселяется его брат Лукьян, вернувшийся из присамарских степей.

В XVIII в. в этой вотчине по правому берегу Белой, в нижнем течении р. Зилим, возникает деревня, называвшаяся Бадрак (Бакрак). В середине XVIII в. башкиры этой группы, продолжавшие относить себя к Курпеч-Табынской волости, в большинстве вновь переселились в присамарские степи и жили преимущественно на своих летовках, в связи с чем продали большую часть приуральской вотчины (три четверти) Архангельскому заводу. По поводу четвертой ее части в договоре оговаривалось, чтобы заводовладельцы решали вопрос о совместном пользовании с родственником продавцов, который здесь оставался — с Ерымбетом Бускуновым³. И ныне в Архангельском районе существуют три деревни (Беисово, Муллакаево, Кысынды), основанные Ерымбетом и его сыновьями после 1740 г. Ерымбет был из числа «верных» башкир и поселился в этой части вотчины после того, как повстанцы разорили и сожгли его деревню Бускунову на р. Зилиме в мае

¹ Там же. Д. 457. Л. 8—10.

² НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6286. Л. 11.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 1. № 60. М., 1956. С. 55—56.

1740 г.⁴ Впоследствии эти деревни относились к тюбе Бадрак [Камалов, 1997, с. 287], но уже Кумрук-Табынской волости — видимо, в связи с перекочевкой большинства курпес-табынцев, исчезает и соответствующая волость. Часть современных жителей этих деревень продолжает относить себя к роду Бадрак, но никто из них уже не помнит в числе своих предков ногайских князей-мурз.

В исторически обозримое время в непосредственном юго-западном соседстве с бадраками в Приуралье находились обширные вотчины башкир-меркитов, относивших себя к племени Мин. Подобно бадракам, они возводили свое происхождение к тому же Акману (род Аккунды)⁵, т. е. тоже происходили «из рода мурз». «Меркитское родство» фигурирует в перечне ногайских родо-племенных объединений В. В. Трепавлова [Трепавлов, 2002, с. 502]. По разделу 1671 г. ранее единой Минской волости, глава меркитов Аккунды Акманов закрепил за собой территории по среднему и верхнему течению Уршака⁶ — надо полагать, этими угодьями его род пользовался и ранее, в ногайское время. Очевидно, их тоже следует отнести к ногаям, оставшимся на территории Башкирии после ее присоединения к России. У нас нет какой-либо информации об иных связях меркитов с другими потомками ногаев, нет данных об их дальних сезонных перекочевках, о наличии летних пастбищ на заведомо «ногайских» территориях в Поволжье, хотя от верховий Уршака до них не так уж далеко.

Продолжение следует.

⁴ Там же. Ч. I. С. 425.

⁵ Башкирские шежере... С. 51—53.

⁶ Там же. С. 223—224.

Список литературы

1. Асфандияров, А. З. Башкирские тарханы / А. З. Асфандияров. — Уфа : Китап, 2006. — 160 с.
2. Башкирские шежере. — Уфа, 1960.
3. Валиди Тоган А.-З. Воспоминания. — Кн. 1. — Уфа, 1994.
4. Зайцев, И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.) : очерки. — М., 2004.
5. Исхаков, Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени / Д. М. Исхаков. — Казань, 1998.
6. Камалов, А. А. Башкирские географические термины и топонимия / А. А. Камалов. — Уфа, 1997.
7. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа / Р. Г. Кузеев. — Уфа, 2010.
8. Курмаев, В. Н. Очерки истории Табынского края / В. Н. Курмаев. — Уфа., 1994.
9. Сейдаметов, Э. Х. Эмиграция крымских татар в XIX — начале XX вв. / Э. Х. Сейдаметов // Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 68 (51)..
10. Сыроечковский, В. Е. Мухаммет-Герай и его вассалы / В. Е. Сыроечковский // Ученые записки МГУ. — 1940. — Вып. LXI.
11. Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. — М., 2002.
12. Трепавлов, В. В. Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения / В. В. Трепавлов. — Уфа, 1997.

Сведения об авторе

Курмаев Виктор Николаевич — заведующий Гафурийским историко-краеведческим музеем администрации Гафурийского района Республики Башкортостан. Село Красноусольский, Республика Башкортостан, Россия. vn-kurmaev@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 1. P. 5—20.

Nogais in the Urals. Historical Reconstruction of Interaction Development between the Nogai Horde and the Bashkirs (in two parts. Part 1)

V.N. Kurmaev

*Gafuriysky Local History Museum of the Gafuriysky district of Republic of Bashkortostan,
Krasnousolsky, Republic of Bashkortostan, Russia. vn-kurmaev@yandex.ru*

The author proposes a reconstruction of the stay of the Nogais before the Russian state annexed the lands. The research is based on the archival materials of Moscow, Ufa, Yekaterinburg and the existing historiographical tradition, as well as the analysis of micro-historical and natural geographical factors of the southern Urals, i.e. the territory of the valley of the Belaya river in the modern Republic of Bashkortostan.

The study tries to identify the descendants of the Nogais among the Bashkir population, their lands in the middle reach of the Belaya river. The work proposes a new viewpoint on the discussed issue of the very establishment of Nogai power in the Urals. It is a first attempt to reconstruct the borders and population composition of the Nogai ulus, and to compile a map of the Nogai settlement to the West of the Ural mountains.

The article is presented in two parts.

Keywords: *Nogais, Bashkirs, Southern Urals, Moscow Kingdom, Ufa, migrations.*

References

1. Asfandiyarov A.Z. *Bashkirskie tarhany* [Bashkir Tarkhans]. Ufa, Kitap, 2006. 160 p. (In Russ.).
2. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir Shezhere]. Ufa, 1960. (In Russ.).
3. Validi Togan A.-Z. *Vospominaniya* [Memories]. Book 1. Ufa, 1994. (In Russ.).
4. Zaitsev I.V. *Mezhdru Moskvoy I Stambulom. Juchidskie gosudarstva, Moscow I Osmanskaja imperija (nach. XV — per. pol. XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul. The Juchid States, Moscow and the Ottoman Empire (the early 15th — first half 16th centuries)]. M., 2004. (In Russ.).
5. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni* [From the Medieval Tatars to Tatars of the New Time]. Kazan, 1998. (In Russ.).
6. Kamalov A.A. *Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimija* [Bashkir Geographical Terms and Toponymy]. Ufa, 1997. (In Russ.).
7. Kuzeev R.G. *Proishozhdenie bashkirskogo naroda* [Origin of the Bashkir People]. Ufa, 2010. (In Russ.).
8. Kurmaev V.N. *Ocherki istorii Tabynskogo kraja* [Essays on the History of the Tabyrn Region]. Ufa, 1994. (In Russ.).
9. Seidametov E.H. *Emigratsija krymskich tatar v XIX — nachale XX vv.* [Emigration of the Crimean Tatars in the 19th — early 20th centuries]. *Kuljtura narodov Prichernomorja* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2005, no. 68 (51). (In Russ.).
10. Syroechkovsky V.E. *Mukhammet-Geraj i ego vassaly.* [Mukhammet-Gerai and His Vassals]. *Uchenye zapiski MGU* [Scientific Notes of Moscow State University], 1940, iss. LXI. (In Russ.).
11. Trepavlov V.V. *Istorija Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. (In Russ.).
12. Trepavlov V.V. *Nogai v Bashkirii. Knjazcheskie rody nogajskogo proishozhdenija* [Nogai in Bashkiria, the 15th — 17th centuries. The birth of the Prince of the Nogai Origin]. Ufa, 1997. (In Russ.).